

Паршина Наталья

*Когда проснется
ангел*

16+

Наталья Паршина
Когда проснётся ангел

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Паршина Н. В.

Когда проснётся ангел / Н. В. Паршина — «ЛитРес: Самиздат»,
2015

Данька – малолетний беспризорник, он не помнит своих родителей. В детдом, из которого вскоре сбежал, он попал из цыганского посёлка. Найти мать – единственная цель Даньки. Его не остановят ни трудности, ни Паук – самопровозглашённый начальник ночлежки, ни полное отсутствие информации о своём происхождении. Мальчуган и не подозревает, что его самого кто-то безуспешно пытается найти.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Глава 1

Настя бежала прочь от дома, от мужа, который в пьяном угаре переставал различать реальность и бред. Хмель превращал его в зверя лютого и беспощадного, переворачивая всю сущность его человеческую с ног на голову.

Солнышко днём растопило снег, а вечерний мороз превратил тропинку в гладкую конькобежную дорожку. Настя старалась придерживаться её края, там было не так скользко. Яблони, протягивая свои ветки, пытались зацепить испуганную беглянку то за волосы, то за тонкий халатик, (убегая от мужа, она не успела накинуть на себя что-то тёплое). Корочка льда, ломаясь, под ногами, издавала такой оглушительный треск, что Насте казалось, будто её шаги слышат на километры вокруг. В начале весны вечера особенно тихи. Выюги и метели остались далеко позади, а певчие птицы ещё не вернулись из тёплых стран, листвы ещё нет, и ветру нечем шуметь в кронах деревьев. Видно поэтому, каждый звук, даже тихий, уподоблялся грому.

Чёрное небо без единой звёздочки окутывало продрогшую землю безмолвной безграничной пустотой. Старая липа у ворот, стоящая рядом с фонарём, пытаясь заполучить для себя весь свет от яркой электрической лампы, возомнила себя единственной, имеющей право на такую роскошь. Свои ветки-сети она распределила так искусно, что даже самый далёкий, самый маленький сучок, получал свою порцию ярких лучей. Настя запыхалась и замёрзла, пока добралась до дома своей единственной подруги. В темноте споткнулась о кошку, сидевшую на крыльце в ожидании, когда хозяева впустят её в тёплый дом. Та, не предполагавшая такого вероломства, завопила на обидчицу во весь голос и сорвалась с места, по пути опрокинув пустое ведро. Катясь по ступенькам, ведро грохотало так, будто поезд сошёл с рельсов.

На шум вышла хозяйка, зажгла свет и открыла дверь.

– Батюшки святы! – запричитала она, – Заходи скорее, замёрзла ведь!

Быстро сняла со своих плеч пуховую шаль и закутала в неё Настю, а та, молча вошла в дом, и сразу прильнула к тёплой изразцовой печке – хозяйской гордости. Насте было и стыдно, и горько за то, что такие поздние посещения становились всё чаще и чаще, но что-то изменить она была не в силах. Её подруга мигом заварила ароматный чай и, отсчитав в рюмку капли пустырника, протянула дрожащей гостье.

– Пошли на кухню, чаем греться будем! – сказала хозяйка, а сама вздохнула и покачала головой.

Встретив во взгляде подруги немой вопрос: «Ну, сколько ещё ты будешь это терпеть?», Настя предупредила все её нравоучения:

– Мил, только не начинай. Я знаю всё, что ты сейчас скажешь, и понимаю, что в чём-то ты права, но давай сегодня без этого, мне и так тошно.

Мила возмущённо подпёрла бока и уже открыла рот для возражений, но Настя отрезала:

– А то сейчас уйду.

Хозяйка дома махнула рукой, поняв, что спорить бессмысленно, взяла за плечи подругу, проводила на кухню и усадила её за стол, сама же присела напротив со словами:

– Нет, вы только посмотрите на неё! Уйдёт! И куда ты уйдёшь? Вокруг на пять километров только дикие волки живут, а самый дикий из них – твой муженёк. Ладно, не буду я тебя мучить своими причитаниями, пей чай, согревайся.

– Мил, может, сделаешь свой глинтвейн? Я думаю, что одним чаем мне не спастись, – попросила Настя, которую била мелкая дрожь.

– Твоя правда. Давай, подруга, почаёвничаем чем-нибудь покрепче.

Мила смешала домашнее вино, мёд, корицу, гвоздику, сушёные яблоки и какие-то пряности, подержала на огне и разлила по чашкам. Согревающий душу аромат заполнил кухню. Настя взяла горячий сосуд в ладони, стараясь через кожу вобрать всё его тепло.

Подруги вспомнили беззаботную юность, посмеялись и поплакали вместе. Когда Мила поняла, что Настя немного успокоилась и пришла в себя, то постелила ей в маленькой уютной комнатке, которая планировалась, как комната прислуги. Но помощницей по хозяйству Мила так и не обзавелась, с домашними делами она превосходно справлялась сама, и комнатка почти всегда пустовала. Настя поначалу отказывалась оставаться на ночь, объясняя, что муж, наверное, уснул, и теперь можно вернуться домой без риска для жизни. Милу это не убедило.

–Нет уж, подруга, и разговору об этом быть не может. Ты уйдёшь, а я не спи всю ночь, думай, что там твой деспот ещё натворит. Остаёшься, и баста. Иначе придётся будить Димку, свяжем тебя и спать уложим, – строго сказала она, а у Насти уже не было сил сопротивляться.

Она долго не могла уснуть, всё перебирала в голове сегодняшние события, ища причину гнева своего благоверного. Но искать эту самую причину давно уже стало занятием бесполезным, как только он напивался, то терял человеческий облик, и тогда нужно было убираться подальше, бежать и прятаться, пока алкоголь не свалит его с ног. Наутро он ничего не вспомнит и не поверит в то, что он мог поднять руку на жену. А может, просто сделает вид, что не поверит, чтобы не просить прощения.

Проваливаясь, в сон, Настя подумала, как хорошо, что мама далеко, и не знает о таких невесёлых изменениях в жизни дочери. Иначе она немедленно забрала бы её обратно во Владивосток под своё сильное и властное крыло.

Её мать считалась лучшим стоматологом в городе, но кроме этого имела очень серьёзную коммерческую жилку. Во времена всеобщего перестроечного хаоса она смогла взять кредит и открыть свою стоматологическую клинику. В то время, когда полстраны сидели на голодном пайке, она умудрялась не только вовремя рассчитываться с банком, но и платить достойную зарплату своим работникам. А когда миновали самые трудные годы, то одна за другой были открыты ещё несколько стоматологических клиник. Эта сеть отнимала всё время у своей создательницы, поэтому Настя почти не видела свою мать, её воспитанием занимались бабушки. Но мама твёрдо держала руку на пульсе всего, что происходило с её дочерью, пока та не уехала в Москву поступать в институт.

Да, хорошо, что мама далеко, думала Настя, и очень хорошо, что рядом есть Мила.

Они дружили со студенческой скамьи. Настя приехала в столицу учиться на хирурга. У Милы, коренной москвички, не было другого пути в выборе профессии, вся её родня до седьмого колена верно служила клятве Гиппократата. После получения диплома обе попали на работу в один из лучших столичных госпиталей. Только Мила проработала там недолго, встретив своего будущего мужа, она укатила из благоустроенной московской квартиры в страшную глушь, где до ближайших соседей несколько вёрст, а до райцентра – почти три десятка. Её суженый – голландец по паспорту, но с русскими корнями и душой, решил на российских просторах развернуть своё фермерское хозяйство. Выкупил землю у развалившегося совхоза, построил прекрасный дом, привёз с собой не только технику, о которой наши сельские жители и слыхом не слыхивали, но и небольшое стадо диковинных безрогих молочных коров цвета топлёного молока. Сыр, который производили тут же, в сыроварне, расходился «на ура» по самым дорогим магазинам столицы. Мила была рядом с ним с самого начала, со времени закладки первого камня в фундамент их будущего дома, и сама так загорелась идеей мужа, что о Москве уже и не вспоминала.

Несмотря на расстояние, разделившее подруг, их отношения стали ещё крепче. Настя каждый отпуск проводила в доме Милы и её мужа, восхищаясь, в какой прекрасный уголок удалось им превратить заброшенный, забытый всеми кусочек земли. Ей нравилось помогать подруге по хозяйству, поливать огород, варить варенье, солить огурцы, ловить карпов в пруду. И всё это с полным городским комфортом. Дитер (так зовут мужа Милы, но все в округе переименовали его имя на русский манер – Дима) оснастил своё семейное гнёздышко не хуже самой благоустроенной городской квартиры. Горячая вода, сауна и бассейн – это мелочи по сравне-

нию с тем количеством и разнообразием бытовой техники, которой дом был просто напичкан. Даже дорожки зимой чистила специальная машина. Настя очень ценила время, проведённое у подружки, но в госпиталь возвращалась с радостью, она любила свою работу.

Вернувшись из очередного отпуска, полная сил и хорошего настроения, Настя заступила на дежурство. Она только успела надеть светло-зелёную форму, как тут же была приглашена в операционную. К реанимации готовили молодого мужчину, который находился между жизнью и смертью. Бесчисленные переломы и ожоги усугублялись большой потерей крови. Всё его тело было одной сплошной раной. Только лицо практически не пострадало, взглянув на него, Настя ахнула:

– Это же Святослав Гражинский! Это же тот самый репортёр с первого канала! Откуда его такого...? – у неё не нашлось слов описать состояние человека, по которому будто проехал танк.

– Нет, – сказала медсестричка Катя, – это его брат Игорь Роззман. А Святослав погиб ещё два дня назад, ты что, не смотришь новости?

– Я вчера только в Москву вернулась, какой там телевизор... Месяц в квартире не была, пылищи накопилось, откуда она только берётся, – выпалила она скороговоркой и запнулась, – ... а что у Святослава был брат-близнец?

Катя вздохнула:

– Теперь получается, что не у Святослава, а у Игоря был брат-близнец.

Она сделала особое ударение на слове «был», отчего Настя поёжилась.

– А почему у них разные фамилии? Ведь у близнецов не может быть разных отцов, – вслух подумала Настя.

– Может, он взял фамилию жены, – пожала плечами Катя.

Операция была долгой и сложной. Врачи сделали всё, что было в их силах, чтобы удержать Игоря на этом свете, и теперь нужно было только ждать. Ждать, как справится с тяжелейшими травмами крепкий молодой организм. Никто не был уверен в положительном результате, кроме Насти. Она приносила в палату полевые цветы, купленные у метро, говорила о погоде, о новостях, просто наполняла жизнью пространство вокруг Игоря, находившегося где-то между мирами. Она старалась как можно чаще заходить к тяжёлому больному, задерживалась после смены, даже оставалась на ночь, когда его состояние вызывало наибольшие опасения. И в тот момент, когда Игорь вырвался из вязкого бессознательного состояния, она сидела в его палате на стуле, читая книгу. Её дежурство закончилось, но домой она не спешила.

– Мама знает? – голос Игоря был негромким, но резанул по больничной тишине громовым раскатом.

Насте сначала показалось, что Игорь бредит, слишком часто он звал в забытые и мать, и брата, но сейчас он открыл глаза и снова:

– Мама знает?

– Да, знает, она приходила, но вы были без сознания, – спохватилась Настя и бросилась поправлять подушки, чтобы ему было удобнее лежать.

– Сколько я здесь?

– Почти месяц.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Настя.

Он посмотрел на неё строго и сказал:

– Не ври, Настенька, даже во благо не ври. Я знаю, что мама не приходила и не придёт.

– Нет, нет! – затараторила Настя, – она приходила сразу, как вас доставили в госпиталь.

– Значит, ещё надеялась, что это Святослав здесь лежит, а не я, – вздохнул Игорь.

Настя не знала, как реагировать на эту реплику, и спросила, переводя разговор в другое русло, не нужно ли чего больному, тот отказался. Он снова провалился в тяжёлый сон, Настя не рискнула оставить его одного, и всю ночь провела на кушетке.

Мать Игоря действительно приходила в госпиталь сразу после операции, и своим поведением немало удивила всех, кто имел возможность увидеть её у постели сына. Эта немолодая, но очень ухоженная женщина с безупречной причёской, макияжем и маникюром, в дорогом костюме, изящных туфельках на шпильке и сумочкой от Шанель, проплыла по коридору госпиталя с гордо поднятым подбородком в сопровождении главврача. Тот, семеня немного позади, уверял её, что операция прошла успешно, и что реабилитировать Игоря будут самые признанные специалисты. У двери в палату она повернулась к доктору, прервав его на полуслове, сказала: «Спасибо», вошла внутрь и закрыла дверь прямо перед его носом. Коридор и палату разделяла не глухая стена, а широкое окно с открытыми жалюзи, что давало возможность, всем, кто находился в коридоре, увидеть происходящее внутри.

Захлопнув дверь, женщина на мгновение остановилась, глубоко вдохнула и, прямая, как струна, стала медленно приближаться к постели сына. Он лежал в кислородной маске, весь в проводах и капельницах. Она осторожно подошла, протянула руку к его руке, заглянула в лицо, и вдруг отшатнулась, как будто не верила своим глазам, как будто потеряла последнюю надежду или увидела чужого человека. Она склонила голову, закрыв глаза ладонью, а потом резко выпрямилась, расправила плечи, развернулась и вышла из палаты так же гордо, как вошла. Не слушая доктора, ожидавшего её у двери, она проследовала к выходу, и, не прощаясь, удалилась. Тогда все решили, что мать не в силах была смотреть на страдания сына, но больше в госпитале её никто не видел.

Когда под утро Игорь снова очнулся, то увидев Настю у своей кровати, сделал попытку пошутить:

–Спасибо тебе, сестричка, за то, что охраняешь мой сон.

–Вообще-то, я – дипломированный хирург, – сказала Настя, улыбаясь.

–О! Тогда низкий поклон за самоотверженность. Скажи, а кормить скоро будут?

Настя засмеялась:

–Это хорошо, что вы про еду вспомнили, значит на поправку пошли. У меня сегодня выходной, если хотите что-нибудь домашнее, я приготовлю и принесу.

–Нет, спасибо. Ты просто приходи, когда отдохнёшь. Ненадолго.

Игорь был ещё очень слаб, и самостоятельно не мог даже сесть, но с тех пор, как он пришёл в себя, к нему потянулись вереницы журналистов, сослуживцев, людей в форме и гражданских, а единственный родной человек – мама ни разу не справилась о его состоянии даже по телефону. Снова во всех газетах на первую полосу вышла история трагической гибели Святослава Гражинского, с новыми шокирующими подробностями, поведанными его братом.

Настя видела, как долго смотрит Игорь в одну точку пустыми глазами после каждого интервью, после каждого разговора о случившемся, поэтому ни о чём его не спрашивала.

Он всё чаще просил Настю, что бы та заглянула к нему после дежурства, а её и не нужно было просить. Они болтали ни о чём и обо всём, о медицине, о пробках в столице, о жаре, которая накрыла город и никак не хочет уступать прохладе. Насте очень хотелось помочь Игорю поскорее встать на ноги. Для того чтобы шитые мышцы вновь стали слушаться своего хозяина, ему приходилось тренировать их через невероятную боль, с утра до ночи, до исступления, до бессознательного состояния. Настя почти поселилась в его палате, радуясь, как дитя, каждому еле заметному продвижению в сторону выздоровления.

Когда Игорь поправился настолько, что смог выходить на улицу, Настя уговорила его съездить к матери, выпросив разрешение на это у главврача. Она заказала такси, купила букет красных роз, и сама вызвалась сопровождать Игоря. Пока ехали, он не мог скрыть волнения, тербил несчастный букет, вытирал пот со лба и старался не смотреть на Настю.

Такси остановилось у дома, и Игорь сказал:

–Ты подожди меня здесь, пожалуйста. Я думаю, что это будет недолго.

Настя вышла из машины и стала прогуливаться у подъезда взад и вперёд, разглядывая роскошные клумбы с розами, горшки с декоративными кустарниками и красивые кованые скамейки. Похоже, здесь поработал умелый ландшафтный дизайнер. Всё было так гармонично и изысканно. Это был не просто дом, а знаменитая высотка, в которой жили представители элиты от науки и искусства.

Игорь же поднялся на лифте на свой этаж. Сердце бешено колотилось в груди, он прильнул к стене, не решаясь нажать на звонок.

Мать сама открыла дверь. Игорь догадался, что её предупредил о визитёре консьерж, бывший военный, добросовестно выполняющий свою работу.

Она, как всегда, была безупречно причёсана, домашнее шёлковое цветастое платье, подогнанное точно по фигуре, могло бы дать фору некоторым вечерним нарядам. Игоря встретил её холодный взгляд, она не хотела его видеть, но, чтобы не разговаривать на лестничной площадке (мало ли кто услышит), молча отошла от двери, выпуская его в квартиру. Игорь опомнился и протянул ей розы.

–Эти цветы отнеси на могилу Святослава, который погиб по твоей вине. Ты всю жизнь выбирал не ту дорогу, и это привело к тому, что я потеряла двух сыновей сразу, – голос матери был твёрд.

Игорь опустил голову, он судорожно пытался найти правильные слова, что бы она смогла понять его:

–Мам, послушай... – только и успел сказать, как мать сорвалась на крик.

–Ни слова больше! Всё, что ты скажешь, теперь не имеет значения, как не имеет значения то, чья именно рука убила Святослава! Важно только то, кто в этом виноват, а виноват ты! Да, ты! Ты же знал, что это могло случиться, ты же должен был это предположить. Почему ты не запретил Святославу делать этот репортаж? Ты же знаешь, что такое война, что ему там не место! Ты всё разрушил, всё, что я создавала. И теперь у меня нет сыновей, а у тебя нет матери. Не смей больше напоминать о себе! Можешь взять свои вещи, а потом я закрою для тебя эту дверь навсегда.

Игорь пулей вылетел из квартиры, нажал кнопку вызова лифта, но не смог ждать и секунды, бросился вниз по лестнице. Кровь стучала в его висках, а в глазах потемнело и, казалось, он вот-вот упадёт, но оставаться в этом доме он не мог. Спустившись вниз, он бросил цветы в урну у подъезда и быстрым шагом направился к такси. Настя едва успела догнать его у самой машины, увидев его бледное лицо и полные боли глаза, она ничего не спросила, села с ним рядом на заднее сиденье и всю дорогу промолчала, сжимая его холодное запястье.

Весь день она мучилась, не зная, как помочь этому сильному мужчине с израненной душой. Телесные его раны отошли на второй план. А вечером, когда всё в госпитале затихло, она взяла его за руку и попросила:

–Ты поделись со мной, тебе легче станет.

Он вздохнул:

–Ох, Настя, Настя. Там такой камень, что только я один смогу его вынести. Я один и должен.

–Мне не всё равно, а тебе выговориться нужно. Я понимаю, что я – посторонний человек, но бывает, что с посторонним поделиться легче, чем с близким, – не отступала Настя.

Игорь угрюмо молчал, глядя в тёмный экран выключенного телевизора. За то время, что он провёл в госпитале, Настя стала для него очень дорогим человеком. Ему хотелось поговорить о пережитом не с кем-нибудь, а именно с ней, но сваливать на неё свою боль, он не мог. С самого детства он варился в котле собственных переживаний, не позволяя никому жалеть себя.

Настя заглянула ему в глаза и сказала:

–Ну, хорошо, не буду настаивать, но если передумаешь, то я всегда рада выслушать тебя. Она встала и собиралась выйти, но он остановил её:

–Что бы понять то, что сегодня произошло, нужно начать издалека. Боюсь, я тебя утомлю. Настя села на стул и произнесла:

–Времени у нас до утра. Можешь не спешить, если не успеешь рассказать сегодня, то продолжим завтра вечером после моей смены.

Игорь был благодарен этой хрупкой, очень отзывчивой докторше, благодаря которой, он постепенно возвращался назад в мирную жизнь, в ту жизнь, о которой он почти забыл. Он рассказал ей всё с самого начала, как и обещал.

Он был старшим из двух братьев-близнецов, родившихся в семье академика. В их клане быть академиком считалось само собой разумеющимся. Светилами науки были дедушки и прадедушки. Бабушки тоже не отставали, одна из них была признанной художницей, другая – известным поэтом, писательницей. Мать Игоря Олимпиада Аркадьевна, будучи дочкой и внучкой знаменитых людей, сама не отличалась тягой к наукам или искусству. Очень рано она поняла, что все её желания исполняются быстрее, чем она успевала их озвучить. Учителя, щедро одариваемые родителями, закрывали глаза на её беспросветную лень. Зато она знала толк в нарядах, в изобилии привозимых отцом из частых заграничных командировок. Отец просто души не чаял в ненаглядной Липоньке, (так ласково он называл свою дочурку Олимпиаду). И тот, кто хотел угодить имевшему большой вес в науке академику, выбирая самый короткий путь к его расположению, распевал хвалебные оды в честь его любимицы дочки. Одноклассницы тоже заискивали перед Олимпиадой, особо усердным из них иногда перепали заграничные сувениры, большая редкость по тем временам, или наряд с барского плеча.

Олимпиада поняла, что она особенная от рождения и что все вокруг не смеют глаза поднять на её сиятельную персону. Так и выросла она, занятая лишь нарядами, да причёсками. Она позволяла себе вести приятельские беседы только с равными по статусу, тех же, кто был ниже по положению, даже презрительным взглядом не одаривала.

Для полного своего душевного спокойствия отец Липоньки устроил и её будущее, выдав замуж за без пяти минут академика, своего соратника по науке Рюрика Роззмана. Тот был старше своей невесты на добрых полтора десятка лет и обожал её безмерно.

Олимпиада была единственным ребёнком академика Гражинского, поэтому, чтобы их род не прерывался, он попросил дочь дать его фамилию её второму сыну.

Радости отца Олимпиады не было предела, когда она родила сразу двух здоровых мальчиков. Ему не пришлось ждать долго, его фамилия продолжала существовать. Имена для новорожденных Рюриковичей пришли сами собой из исторических глубин. Известно, что у новгородского князя Рюрика был один сын – Игорь, так и решили назвать старшего сына. А младшему дали имя внука князя Рюрика, его нарекли Святославом.

Дети были так похожи, что различить их могли только родители, при этом, их характеры были почти противоположными. Старший был драчуном и задирой, а младший – послушным, домашним ребёнком. С молодых ногтей их стали обучать языкам, музыке и искусству. Но как только Игорю исполнилось восемь лет, он наотрез отказался посещать музыкальную и художественную школы, и самостоятельно записался в секции самбо и плавания. А через год ещё и в секцию спортивной стрельбы.

Олимпиада Аркадьевна с ног сбилась в попытках вернуть сына на правильный, как она считала, путь. Но на стороне Игоря был отец, он запретил жене «насиловать над личностью». Со временем, она полностью переключилась на младшего Святослава, который радовал мать своими аристократическими замашками. Его не тянуло, как Игоря, носиться с дворовой ребятнёй по чердакам и пустырям в поисках приключений. Зато он охотно разучивал произведения именитых композиторов, стуча по клавишам рояля часы напролёт, а все летние кани-

кулы проводил на пленере с бабушкой, рисуя пейзажи. Надо сказать, что всё, за что он брался, получалось весьма недурственно.

Олимпиада не уставала хвалить Святослава за его успехи, при этом на Игоря смотрела лишь с сожалением, он не оправдал её надежд, не прислушивался к её увещаниям о том, что каждый должен вести себя сообразно происхождению и положению в обществе.

Несмотря на то, что Святослав и Игорь были такими разными, между ними всегда сохранялись самые тёплые отношения. Когда кто-то из них болел, второй практически не отходил от постели заболевшего, чтобы тому было не так скучно. Святослав частенько брал на себя вину брата за различные проделки, зная, что ему влетит гораздо меньше, чем Игорю.

Огромная пятикомнатная квартира семьи всегда была полна гостей. К академику приходили его ученики, друзья, учёные со всего мира и просто великие люди. Олимпиада Аркадьевна с самого утра появлялась из своей спальни при причёске, макияже и в нарядном платье (мало ли кого встретишь в гостиной на этот раз, может, это будет мировая знаменитость), нужно было всегда выглядеть на все сто. В связи с этим, времени на ведение хозяйства у неё не оставалось. Но Олимпиада могла позволить себе иметь двух помощниц, одна из них трудилась на кухне, а другая следила за порядком в доме. Детями же, в основном, занимались бабушки и дедушки.

Отец покинул их рано, его не стало, когда братьям было всего по шестнадцать лет. Без его поддержки Игорю стало очень сложно отстаивать право на свой выбор. Олимпиада не умела просить, она не только требовала, чтобы сын жил так, как она считала нужным, одевался так, как она считала правильным, но и решила, что вправе выбирать с кем он должен дружить. Атмосфера в доме была такой напряжённой, что Игорь вскоре ушёл жить к деду. Тот был человеком мудрым, считая, что воспитывать детей нужно не упрёками и скандалами, а лишь на собственном примере.

Когда пришло время выбирать профессию, Святослав снова не дал матери повода для огорчения, он поступил в МГИМО, чтобы стать дипломатом. Игорь же решил, что пойдёт в армию. От этой новости Олимпиада пару дней пролежала с компрессом на лбу, шантажируя сына тем, что её хватит удар, если он не изменит своего решения. Но видя, что тот стоит на своём, сняла компресс и сказала: «Хорошо, ты можешь делать всё, что тебе угодно. Можешь разрушать свою жизнь, ползая по дну, собирая отбросы. Но оглянись, ведь ты имеешь так много возможностей жить достойно. Кто-то другой, родившейся в семье простых рабочих, многое отдал бы, чтобы оказаться на твоём месте. Тебе же ничего не стоит поступить в любой институт, только выбери в какой...»

– Вот вернусь из армии, и выберу свой институт, – спокойно ответил Игорь.

– Иди! Иди на все четыре стороны, видеть тебя не могу! – кричала в сердцах Олимпиада.

И Игорь ушёл. Через две недели после выпускного бала он уже стоял на плацу в военной форме. В том году был объявлен набор в спецотряд, который должен был действовать в горячих точках. Отбор был жесточайшим, днём и ночью командиры испытывали новобранцев на прочность. Обучение скорее походило на истязание. Все упражнения были не на пределе человеческих возможностей, а далеко за их границей. Но больше всего бойцы боялись не боли, невероятной усталости или новых испытаний, а того, что могут не выдержать, и тогда их вычеркнут из особого списка. Каждый поставил перед собой цель – во что бы то ни стало, дойти до финиша. А финишем было первое задание, которое они получили спустя долгие месяцы обучения.

Немногие прошли эти испытания до конца, среди зачисленных в отряд был и рядовой Игорь Роззман.

Игоря наставники заметили сразу, и со временем их убеждение, что этот несгибаемый молодой человек может стать командиром отряда, только укрепились. Спецотряд готовился,

как секретное оружие для уничтожения главарей банд, хозяйничавших на Северном Кавказе. Освобождение из плена российских солдат и офицеров было тоже их миссией.

Игорь скоро понял, что такая жизнь для него подходит больше, чем столичная круговерть, он пропитался насквозь духом воина – невидимки. Главной задачей отряда было действовать без шума и пыли. Каждый боец обращался с любым оружием, как с продолжением самого себя, но идеальной считалась та операция, при выполнении которой оружие не применялось. За два года отряд не потерял ни одного бойца, и все они сплотились и срослись настолько, что даже взгляда было достаточно, чтобы понять друг друга. Когда время первого контракта подошло к концу, вопрос «что делать дальше» перед ними не стоял. Никто и не помышлял о мирной жизни «на гражданке» в то время, когда помощи спецотряда ждут сотни солдат и офицеров, находящихся в плену.

Много крови попортил бандитам спецотряд своим дерзкими вылазками, а неуловимость его стала почти легендарной. За ними охотились, пытаясь вычислить место следующей операции, но тщетно. Никто, кроме командиров, не знал, как выглядят бойцы, их личные дела были засекречены. Самой успешно выполненной задачей в списке побед отряда считалось уничтожение полевого командира, которого даже свои за жестокость называли Мясником. Особое зверство он проявлял к местным жителям, не поддерживающим его в ненависти ко всем русским и ко всему русскому. Не щадил ни детей, ни стариков. Нужно было остановить его, но он успешно прятался в горах всякий раз, когда против него выдвигались войска. Тогда этим поручили заняться отряду Игоря.

Мясника уничтожили, но у него остался брат, самопровозглашённый генерал Алихан, который поклялся отомстить за смерть брата реками крови.

Однажды Игоря вызвал к себе полковник. Войдя в его кабинет, Игорь увидел, что командир стоит спиной к двери и курит в форточку, отбивая дробь пальцами по подоконнику. Это был плохой знак, командир вёл себя так, когда ситуация выходила из-под его контроля.

–Входи, – сказал командир, не оборачиваясь, – правительство заказало первому каналу серию передач о нашей доблестной армии. Одна из них будет посвящена боевым действиям в Чечне. Руководство решило, что этот сюжет будет именно о твоей группе, и именно о предстоящем выезде.

Игоря обдало горячей волной возмущения: что делать здесь этим столичным холёным журналистам? Вслух он произнёс:

–Хотят снимать сюжет о моей группе? Пусть снимают, но только на базе, а на выезд я их не возьму.

Командир, настоящий боевой офицер, знающий войну изнутри, тоже был не в восторге от этой затеи, но приказ поступил с самого верха, и выполнять его придётся в любом случае. Он подошёл к столу, затушил сигарету в массивной пепельнице из чёрного камня.

–Послушай, – сказал он, – я отбивался от этой идеи до последнего, но мы с тобой ничего не решаем, единственное, что в наших силах – свести риски к минимуму. Мне удалось убедить начальство, что больше двух журналистов на задание мы взять не сможем. Они прибудут через три дня, у тебя будет два дня, чтобы их подготовить.

–Детский сад какой-то! – взорвался Игорь, – может, мы теперь и экскурсии водить будем? Я отказываюсь рисковать жизнями своих ребят, все операции засекречены, а мы потащим с собой неизвестно кого.

–Насчёт этого не переживай, их проверят «от и до» по всем каналам.

На третий день Игорь снова был вызван к командиру теперь уже для знакомства с журналистами. Распахнув дверь, он замер на пороге, прямо перед ним стоял брат. Игорь знал, что Святослав, закончив МГИМО, отказался от идеи стать послом, и его приняли на первый канал в качестве ведущего политической программы. Но каким образом он оказался здесь?

Полковника явно занимала эта немая сцена, улыбнувшись в усы, он обратился к Игорю: –А представь, как у меня челюсть отвисла, когда ты вошёл в кабинет и представился как Святослав Гражинский, причём на полном серьёзе. Я сначала подумал, что у кого-то из нас поехала крыша, даже не сразу вспомнил, что у тебя брат-близнец есть, – и, заметив, как лица братьев растянулись в улыбках, снисходительно добавил, – ну ладно-ладно, не обращай на меня внимания, наверное, долго не виделись.

Они сорвались с мест, и обнялись крепко, по-мужски. Потом был целый час расспросов о том, как там мама, как столица, как общие знакомые? Братья не виделись очень давно, редкие телефонные звонки не могли заменить им живого общения. Игорь уже несколько лет не был в отпуске, его никто не ждал в Москве, девушки завести не успел, а с матерью отношения так и не наладил. Он полностью окунулся в службу, а работы было очень много.

Вечером Игорь вновь зашёл к полковнику. Он не хотел, не мог брать на задание журналистов, тем более одним из них был его брат. В полумраке кабинета горела только настольная лампа. Командир жестом пригласил его сесть. Они давно были на «ты», когда рядом не было посторонних.

Игорь не сразу начал разговор, а командир не торопил, рассматривая карту местности, которая лежала под стеклом на столе.

–Я тут вот чего подумал, Геннадич, – заговорил Игорь, – давай, мы наших корреспондентов послезавтра на операцию не возьмём. Ну, скажем, что обстоятельства изменились, а через пару дней устроим им показательные выступления, возьмём какого-нибудь боевика в ущелье, там не так опасно.

Геннадич хмуро посмотрел на подчинённого исподлобья:

–Понимаю тебя, Игорь, но нам с тобой за эту самодеятельность такие показательные выступления начальство штабное устроит, что полетим мы с тобой со службы, аки голуби сизокрылые, не токмо погоны, но и головы снимут. Сказано запечатлеть взятие Механика, значит, будем над этим работать.

Механик (правая рука Алихана) получил своё прозвище за то, что умел управляться с любым механизмом, будь то оружие или автомобиль, не хуже изобретателя. Игорь уже имел с ним дело, год назад его отряд захватил этого бандита. Обычно с главарями банд работал сам полковник, выкачивая из них нужную информацию, но в этот раз штаб потребовал, чтобы Механика срочно передали им, даже прислали свою группу сопровождения. Но по дороге боевики отбили своего командира. Штабное начальство, конечно, не стало устраивать разбор полётов, для галочки наказали тех оставшихся в живых, что конвоировали Механика.

Теперь для спецотряда было делом чести добраться до сбежавшего бандита, а он в свою очередь назначил круглую сумму за голову Игоря.

Операция разрабатывалась в строжайшей секретности, но, видимо, у боевиков была своя лазейка к доступу важной информации, иначе она не закончилась бы так трагично.

Рано утром, облачившись в гражданскую одежду, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, спецотряд и журналисты погрузились в старые «жигули» и такую же выдавшую виды «волгу», и отправились в родовое село Механика, куда по сведениям разведки он наведывался к своей четвёртой жене инкогнито, в сопровождении всего пары охранников. Но до села они так и не доехали. Ещё на выезде из города, в полностью разрушенном микрорайоне, где в первую чеченскую войну шли такие бои, что не осталось ни одного уцелевшего здания, их ждала засада. Первым же выстрелом из гранатомёта была подбита «волга», снаряд попал в двигатель, водитель и сидевший рядом с ним спецназовец погибли на месте. Святослав, раненый в ногу, выполз из машины, ища укрытие в руинах. Второй журналист с камерой в руках тоже попытался спрятаться за грудой кирпича, но пуля была быстрее. Вторым снарядом разнесло «жигули», Игоря, находящегося в них, выбросило вместе с оторванной дверью, он пролетел несколько метров, угодив под упавший искажённый рекламный щит. Дверь от машины

накрыла его сверху так, что Игоря невозможно было увидеть со стороны. Это и спасло его от неминуемой гибели. Сознание то возвращалось в изуродованное тело Игоря, то покидало его. Он мог видеть пространство, на котором развернулась бойня, но не мог пошевелиться, не мог даже закрыть глаза, чтобы не видеть этого ужаса.

Боевики, поняв, что сопротивление оказывать некому, стали выползать из-за разрушенных зданий, как саранча. Их было много. Подходя вплотную, они добивали раненых в упор, произнося проклятия.

Игорь видел, как эта же участь настигла и его брата. Механик, довольный результатом, пнул ногой тело Святослава, и сказал: «Ну, вот и встретились, Роззман. Твоя голова будет хорошим подарком для Алихана, – и, повернувшись к одному из боевиков, добавил, – сними с него голову, Рашид, сегодня у нас хороший день».

Игорь видел, как всё происходило, как умело, твёрдой рукой сделал своё дело Рашид, как голова брата была брошена в грязный пакет, найденный тут же. В этот момент он не хотел ни воевать, ни мстить, он хотел просто умереть, вместо Святослава, потому, что это он ходил все эти годы по острию ножа, а брат выбрал для себя мирную профессию и должен был жить. Сознание вновь покинуло его, когда всё закончилось, он так и остался лежать незамеченным, его не нашли бы и свои, прибывшие на место кровавой расправы, если бы не служебная собака, почуявшая Игоря под грудой железа. Пульса и дыхания у Игоря не было, как не было и ни одной уцелевшей косточки после взрыва гранаты. Сначала все решили, что он мёртв, и положили вместе с другими телами, но всеобщая любимица овчарка Тельма, не отходила ни на шаг, скуля и пытаясь привлечь к себе внимание.

Затем был самолёт в Москву, госпиталь и операция, которая длилась десять часов. А потом месяц в коме и месяцы реабилитации.

Настя слушала Игоря, не перебивая, она физически чувствовала его боль. Но как можно помочь человеку в такой ситуации? Каким бы златоустом ты не был, слова не принесут облегчения. Время может лишь притупить боль от потери, но, сколько должно пройти этого времени?

Игорь рассказал о последней встрече с матерью и замолчал, глядя в стену. Настя попыталась смягчить его переживания.

–Послушай, – сказала она, – для твоей мамы сейчас очень трудное время. Нужно подождать, когда она сможет всё понять и принять. Поверь, для матери нет ничего страшнее, чем пережить своё дитя. Она считает виноватым в трагедии весь мир. Со временем, она будет нуждаться в тебе, ведь у неё больше никого нет.

Игорь молчал, не желая лишать себя этой слабой надежды. А вдруг Настя права, нужно только подождать.

После выписки из госпиталя Настя и Игорь уже не расставались. Сначала они жили в её маленькой квартирке, а затем, погостив у Милы и Димы пару недель, остались жить рядом с ними. К этому решению их подтолкнул профессор, который поставил Игоря на ноги, ведь столичная суэта и городская экология не помогали выздоровлению.

В считанные месяцы умельцы из соседней деревни поставили высокий деревянный терем с широкой террасой для Насти и Игоря. Красная черепичная крыша его среди зелени окружающих лесов была видна издалека. Новоиспечённые селяне принялись за обустройство своего гнёздышка.

Глава 2

Олимпиада Аркадьевна, выпроводив сына из дома и запретив ему появляться ей на глаза, не находила себе места. Необходимо было, что бы кто-то выслушал её. Нет, ей совершенно не нужна была жалость, тем более обвинение в бессердечности, она привыкла слышать от окружающих только слова восхищения её мудростью и прозорливостью. Те же, кто не пел ей хвалу, немедленно вычёркивались из списка узнаваемых. Исключение составляла только соседка и подруга детства Лидия, лишь она могла позволить себе покритиковать Олимпиаду, и отчитать её, если посчитает нужным.

Поправив причёску, Олимпиада вышла на лестничную площадку и направилась к квартире напротив, где и жила Лидия, переводчица с французского и английского. Благодаря её трудолюбию и невероятной работоспособности многие зарубежные новинки появлялись в книжных магазинах в русскоязычном формате. Та открыла не сразу, видимо, корпела над очередным переводом, а увидев на лице Олимпиады страдальческую мину, которую та успела изобразить, когда в двери повернулся ключ, спросила:

–Что с тобой!

В Олимпиаде, однозначно, пропадала артистка, она, обессиленная упала на пуфик в прихожей, и, тяжело дыша, простонала:

–Лидия, дорогая, воды.

Получив желаемое, она сделала два глотка и вернула стакан подруге, забыв при этом поблагодарить её.

Лидия пригласила гостью в просторный кабинет, больше похожий на библиотеку. Две стены от пола до потолка занимали книжные стеллажи, у окна стоял широкий письменный стол, на котором среди стопок бумаг, словарей и письменных принадлежностей соседствовали ноутбук и старинная печатная машинка. И в довершение всей картины на подставке из карельской берёзы занимали своё место пресс-папье и чернильница из малахита. Этими приборами хозяйка не пользовалась, они достались ей в подарок от какого-то издательства ещё в юности, и она считала их своим талисманом.

В центре кабинета стоял чайный столик и два глубоких кресла, на одном из них и расположилась Олимпиада. Хозяйка принесла кофе и тарелочку с пирожными, села во второе кресло и внимательно посмотрела на подругу:

–Ну, рассказывай.

–Я отреклась от Игоря, – страдальчески произнесла Олимпиада, подняв глаза на Лидию в ожидании бурной реакции.

–Что, прости? – Лидия подумала, что ослышалась.

–Ты прекрасно всё поняла.

–Ты сдурела! Вот, что я сейчас прекрасно поняла.

–Послушай меня, и ты поймёшь, что иначе я не могла поступить.

И Олимпиада начала длинный монолог, из которого следовало, что только Игорь виноват во всех её бедах, что она отдала ему всё, а он не взял ничего, чтобы достойно продолжить их династию, что из-за него она потеряла свою единственную радость – Святослава. Она припомнила сыну все его ошибки и все невыполненные наставления.

Лидия слушала гостью молча, внешне без эмоций, но внутри её росла грозная туча. Она внимательно смотрела в глаза подруге, та иногда вытирала их кружевным платочком, хотя слёз не было и в помине.

Закончив рассказ, Олимпиада спросила:

–Ну что ты молчишь? Разве я неправильно поступила?

Лидия вздохнула, ей и до этого приходилось выслушивать бредни этой избалованной дамочки, но то, что было раньше можно посчитать безобидными причудами. А услышанное сегодня, не лезло ни в какие ворота, эту информацию нужно было ещё переварить. Помолчав немного, хозяйка квартиры заговорила медленно, чеканя каждое слово:

–Ты... сошла... с ума... Ты, действительно, сошла с ума. Потеряв Святослава, ты должна была денно и ночью стоять на коленях перед образами, моля всех святых, чтобы Игорь остался жив, после таких ранений! Сколько он пролежал в реанимации? Нормальная мать спала бы на коврик у его палаты, прислушиваясь к его дыханию. Слава Богу, врачи поставили его на ноги. А ты отрекаешься от него. Я никак не могу понять, что творится у тебя в голове. Игорь – последний твой родной человек, твоя плоть и кровь. Кому ты ещё будешь нужна? Я сначала подумала, что твой ум повредился, когда ты узнала о гибели Святослава. Но нет. Тебе всю жизнь нужна была только ты сама. Сколько хороших людей приходило в ваш дом, пока был жив Рюрик! Сколько приходят теперь? Я сама отвечу: ни одного. Ты всех отвадила своим снобизмом, высокомерием, пренебрежением. Позволь узнать, а что ты такого сделала за всю свою жизнь, чтобы так высоко себя нести?

–Я родила двух сыновей, – возразила Олимпиада.

–Да, Липонька, в том-то и дело, что только родила. А занимались ими бабки да няньки. Ни одного дня ведь малышек грудью не кормила, всё за фигуру свою тряслась. Тебе только и забот было, что причёска, маникюр да наряды.

–Лидочка, разве ты не помнишь, какие люди бывали у нас дома? Мне нужно было соответствовать... а быть женой академика, ты думаешь, что это просто? Рюрик был совсем не приспособлен к быту.

–Зато ты приспособилась неплохо, с утра раздашь указания прислуге и свои обязанности считаешь выполненными.

–Ты же понимаешь, Лидочка, что прислуга нам по рангу была положена. Где ты видела, что бы жена академика сама у плиты или у корыта стояла?

–Только ты к своим помощницам относишься как к скотинке. Доброго слова от тебя не слышали, – Лидия махнула рукой, – ну как у таких добрых людей, какими были твои родители, могло вырасти такое чудо?

Олимпиада начала сердиться:

–Да что с тобой сегодня, Лидочка? Я к тебе с болью своей пришла, душу открыла, а ты как злая собака на меня бросаешься. Ухожу я.

–Иди, иди. А совет мой тебе такой: беги к Игорю, падай в ноги, и моли, чтоб он тебя, дуру, простил. Иначе я за твою душу и гроша, ломанного не дам, – Лидия встала, вышла в прихожую, распахнула дверь, провожая гостью, – только сразу беги, может, ещё не поздно.

Олимпиада гордо прошествовала мимо подруги, не сказав ни слова, зашла в свою квартиру и громко захлопнула дверь.

–Сумасшедшая, – сказала ей вслед Лидия, и, сокрушаясь, пошла в свой кабинет.

В ту ночь Олимпиада Аркадьевна почти не спала, её мучили кошмары. То младенец из чёрной пустоты тянул к ней руки, то она сама искала выход из мрака и никак не могла найти. Она просыпалась, вставала, ходила по комнате, снова ложилась, долго ворочалась, но как только Морфей брал верх над бессонницей, сон повторялся. Уже под утро, выпив лошадиную долю снотворного, она провалилась в невесомость без сновидений.

Проснувшись она ближе к обеду и весь день пыталась отогнать от себя воспоминания о ночных кошмарах. Домработница оказалась несведущей в разгадке снов, но постаралась успокоить свою хозяйку, сказав, что всё это последствия тяжёлой утраты. Вечером Олимпиада Аркадьевна нарочно долго просидела у телевизора, а в постель взяла книжку, надеясь заснуть от усталости. Так и произошло, но среди ночи она подскочила в кровати от того, что увидела Святослава и услышала его голос, как наяву. Он наклонился над ней, погладил её мягкие волосы и

сказал: «Мам, сына моего найди. Обязательно найди». Она почувствовала прикосновение его рук, их тепло, уловила аромат его одеколona, и на миг ей показалось, что Святослав жив, а всё остальное – только страшный сон. И тут она проснулась.

Олимпиада зарыдала, впервые после страшных событий, давая волю слезам. Не в силах больше оставаться в постели, она стала ходить по комнате из угла в угол, как зверь в клетке, и вдруг наступила на что-то мягкое, наклонилась, подняла и обомлела – в руках её была шёлковая игольница в виде сердечка. Её во втором классе сшил Святослав и подарил матери на восьмое марта. Ранние солнечные лучи, пробиваясь сквозь плотные шторы, освещали пёструю шёлковую подушечку мягким светом. Олимпиада давно забыла о существовании этого подарка, шить она никогда не умела, поэтому игольница со временем затерялась среди множества подобных мелочей в коробках на антресоли.

Забыв о том, что она поссорилась с подругой, Олимпиада прямо в пеньюаре выбежала на лестничную площадку и нажала на звонок в её квартире, так и звонила, не прекращая, пока та, заспанная и испуганная не открыла дверь. Увидев на пороге заплаканную, в полубоморочном состоянии соседку, что-то крепко прижимавшую к груди, Лидия убрала её руку от звонка, втащила за шиворот в свою квартиру, и, придерживая за локоть, проводила на кухню. Там она усадила Олимпиаду на мягкий диванчик у окна и стала отсчитывать капли валерьянки.

Олимпиада покорно выпила лекарство.

–Святослав приходил, – сказала она дрожащим слабым голосом.

Лидия подумала, что её подруга медленно сходит с ума и спросила:

–Куда приходил?

–Ко мне во сне. Понимаешь, он сегодня впервые приснился мне после стольких месяцев, но кажется, что это был не сон. Я чувствовала, как он меня по волосам гладил. И вот ещё... – Олимпиада оторвала руки от груди и показала подруге шёлковую игольницу, – это он подарил мне на праздник, он тогда ещё совсем ребёнком был. Я не знаю, где хранилась столько лет эта подушечка... Эти домработницы так часто менялись, вечно всё перекладывали с места на место, хорошо, что вообще не выбросили такую мелочь. Я проснулась, а она на полу лежит... Как она могла там оказаться?

–Ну, выпала откуда-нибудь. Ты вчера что-то искала и не заметила, как она выпала, – предположила Лидия. Она знала, что Олимпиада практически беспомощна в быту, без прислуги не сделает и шагу. Рюрик позаботился о безбедном существовании своей жены до конца её жизни. Он оставил ей в наследство хороший счёт в банке, плюс к этому Олимпиада получала гонорары от переиздания его научных трудов. Так что она могла позволить себе и домработницу, и все привычки беззаботной жизни. Иначе трудно представить, как тяжело пришлось бы ей самостоятельно приспособившись к реалиям бытия.

–Нет, нет. Я сама ничего не искала, а Соня (так зовут домработницу) вчера только продукты занесла, а уборку не делала, и в мою спальню вообще не заходила. Вечером на полу ничего не было, я долго не спала и обязательно заметила бы игольницу, она такая яркая. Всё-таки, я думаю, что Святослав постарался, что бы я отнеслась серьёзно к этому сну.

Олимпиада дрожала всем телом и всё ещё не могла придти в себя. Лидия присела рядом с ней, обняла за плечи и попыталась успокоить подругу, сказав:

–Ну, хорошо, давай разберёмся. Что он хотел сказать своим появлением в твоём сне? Возможно то, что он рядом, что он видит и оберегает тебя оттуда.

–Нет, Лидочка, то, что он хотел сказать, я услышала так ясно, как слышу тебя сейчас. Святослав хотел, чтобы я нашла его сына. А что бы мне его просьба не показалась бредом, подобрал игольницу. Понимаешь?

–Какого сына? – Лидия знала, что невеста Святослава Ксения, дочь влиятельного бизнесмена и политика и не думала в ближайшие десять лет обзаводиться детьми. Она была желанным клиентом в модных магазинах Милана и Парижа, холодную русскую зиму пережидала в

Майами на собственной вилле, куда нередко приглашала и Олимпиаду. Будущие свекровь и невестка сразу нашли общий язык, на жизнь они смотрели под одним углом. Святослав был счастлив оттого, что, наконец, угодил маме. Да и Ксения была доброй девушкой, разве что избалованной и беззаботной.

Олимпиада тяжело вздохнула:

–Ох, Лидочка, ты ведь ничего не знаешь.

–Так расскажи, буду знать.

Олимпиада опустила глаза в пол, а сама всё поглаживала игольницу, собираясь с духом. Лидия не торопила, она встала, чтобы сварить кофе. Когда ароматный напиток был разлит по чашкам, рассказ Олимпиады уже подходил к завершению.

Года два тому назад в квартиру Олимпиады позвонила девушка. Выглядела она неважно, бледное измождённое лицо и тёмные круги под впавшими глазами красноречиво говорили о её состоянии. В коляске, которую она держала перед собой, сладко спал розовощёкий малыш. Олимпиада сначала подумала, что это наркоманка или попрошайка, а на таких людей она даже не смотрела, считая это ниже своего достоинства. Она уже хотела захлопнуть дверь, но девушка тихо спросила:

–Здравствуйте, Святослав Гражинский здесь живёт?

Олимпиада чуть в обморок не упала. Что может быть общего у Святослава с этой замухрышкой? Правда, одета девушка была опрятно, хоть и простенько, её провинциальные наряды явно были куплены не в модных бутиках.

Олимпиада подавила в себе желание сразу прогнать незнакомку, но раздражение в её интонации так и искрило.

–А что тебе, милочка, нужно от него? – спросила она.

Девушка улыбнулась:

–Я пришла сказать, что у него есть сын, – произнесла она робко.

Это был гром среди ясного неба, Олимпиаде не хватало только незаконно рожденного внука. Она допускала, что вокруг такого состоятельного жениха, каким являлся её сын, будут увиваться разные бесприданницы, и даже могла себе представить, что он, как настоящий мужчина, кого-то из них и осчастливит, но ей хотелось, чтобы всё это не имело последствий. Надо было как-то выкручиваться из ситуации. Она изобразила надменную мину и, чётко проговаривая каждое слово, донесла до девушки свои соображения.

–Понятно, – сказала она, сверля незнакомку взглядом генерала КГБ, – может, и свидетельство о рождении покажешь, где отцом ребёнка записан мой сын?.. Нет?.. Ну, тогда послушай! Святослав уже давно в Америке живёт со своей семьёй. А такие, как ты, охотницы за сокровищами, приходят сюда с завидной регулярностью. Не пойму, как они умудряются забеременеть, по факсу, что ли? Вот, что я тебе скажу, дорогая, убирайся-ка ты отсюда вместе со своим заМКАДышем и никогда больше здесь не появляйся, а не то вызову милицию, скажу, что ты – воровка. Дитё у тебя отберут в детский дом, а сама попадёшь в места не столь отдалённые. И вообще, как ты сюда попала? Кто тебя сюда пустил? Сейчас же позвоню консьержу, что бы выпроводил тебя.

Олимпиада тараторила, не давая опомниться непрощенной гостье.

Девушка отшатнулась, схватила коляску, и почти бегом рванула к лифту. Олимпиада была удовлетворена произведённым эффектом и удалилась в квартиру, нарочно громко закрыв дверь.

В то время в их подъезде работал консьерж-новичок, заменяющий постоянного привратника всего на несколько дней, тот уехал на свадьбу дочери. Всех жильцов новый консьерж запомнить ещё не успел и ограничивался вопросом: «А вы, простите, в какую квартиру?» Видно, девушка с коляской не вызвала подозрений, и он, задав свой дежурный вопрос, с чувством выполненного долга вызвал для неё лифт. А когда через несколько минут она вышла из

лифта белая, как полотно, и направилась к выходу нетвёрдой походкой, он распахнул перед ней дверь на улицу. В растерянности девушка остановилась на широких парадных ступеньках, размышляя, куда же ей теперь пойти, она смотрела то в одну сторону, то в другую. Консьерж видел через высокие стеклянные двери подъезда, как она спустила коляску по пандусу, и пошла, понурив голову, не обращая внимания на то, что вязаная шапка её сбилась набекрень, что пояс от пальто развязался и волочится по тротуару. Вскоре она скрылась из виду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.